

всегда переходит в «пере», и былины поют «женская прелесть», «прекрасная», «престарелая», «Буслай преставился», а не «переставился».

После этих наблюдений ясно, что в «Слове» нельзя механически заменить все неполногласные формы полногласными, ибо этим нарушается богатый ритм и звуковая окраска поэмы. Поэт 13 раз пишет «град» и лишь один раз «город»; в этом отношении его стиль близок к стилю Галицко-Волынской летописи. Когда мы читаем «Страны ради, гради веселы», нам ясно, что это прекрасное созвучие трех двусложных слов с упором на «ра» и даже с внутренней рифмой («ради» — «гради»). Когда проф. Нахтигаль ставит «городы», вся музыка стиха пропадает. То же можно сказать о стихе «Отвори врата Нову-граду, разшибе славу Ярославу»: поэт как бы радуется накоплению звонких слогов «ра» и «ла», звучащих как боевой клич. Текст проф. Нахтигалья дает унылое, протяжное оканье: «Отвори ворота Нову-городу, розшибе славу Ярославу». Мы полагаем, что поэт предпочитал формы на «ра» и «ла» из-за их энергичной звучности и краткости.<sup>14</sup> Когда он говорит «храбра и млада князя»<sup>15</sup> или «ступает в злат стремень в граде», этот ритм нельзя заменять окающей растяжкой. У него 22 раза встречается «злато» (с его производными) — оно в стихе звончей, чем «золото», и нельзя предполагать, что какой-то писец внес эти славянизмы. Так же как певцы былин, поэт пел «злаченные», «терем златоверхий», «златокованный»; эти формы первоначальны.

Заметим, что поэт пользуется и полногласными формами, и никакой корректор их не изменял. Он говорит: «Яр туре Всеволоде, стоиши на борони», ибо это дактиль — концовка и вместе с тем ассонанс: «борони» перекликается со «Всеволоде»; но в другом месте поэт звонко кончает: «до спели на брань».

Особенно интересна единственная форма «город» в плаче Ярославны. В его трехчастном делении мы слышим сперва: «Ярославна ра/но плачет в Путивле на забрале аркучи» — центральное слово «Путивль» окружено симметричным повтором плавных слогов: «на», «ра» и «ла». Это прекрасная музыкальная фраза. Она повторена целиком в третьем призыве, к солнцу. Но вот во втором призыве, к Днепру, сказано: «Путивлю городу на забороле аркучи» — две полногласные формы. Что это, недосмотр корректора? Однако, исправив первую и третью фразу, он не мог бы пропустить вторую. Нет, это музыкальная вариация. Как хороший композитор в «теме с вариациями» помещает между мажорными минорную (или наоборот), так и певец «Слова» хочет избежать однообразия. Пользуясь эпическим тройным повтором, он умело изменяет средний, вставляя в него слово «городу» и настраивая в лад с ним «заборолу», которым дальше созвучны многие «о»: «Словутичу, ты пробил... горы, сквозе землю По/ловецкую». Такие же вариации можно отметить в стихах: «великая поля...

<sup>14</sup> С. П. Обнорский близко подошел к решению этого вопроса о чередовании славянизмов и руснизмов в тексте «Слова», отметив, что какие-то «иногда более глубокие причины» не позволяли производить перелицовок и что, «например, колебание вариантов „голова“ и „глава“ в памятнике несомненно должно объясняться из стилистической дифференцированности соответственных отрезков контекста памятника». Он отметил тонкие различия между употреблением форм «вран» и «ворон», «ворота» и «врата», «глас» и «голос»; вероятно, этими же «стилистическими условиями» должно объяснять вариантность имени „Володимир“ и „Владимер“» (С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка, стр. 192—194). Однако С. П. Обнорский относит эти заботы о «соблюдении внутреннего благозвучия» на счет переписчиков. Мы склонны думать, что писец, механически переписывавший текст, не руководствовался такими тонкими стилистическими соображениями. Эта вариантность скорее является чертой богатства литературного языка крупного поэта.

<sup>15</sup> Отметим, что сам князь Игорь говорит: «где мужи храборьствующей?» (Ипат. 434), а про Даниила Галицкого сказано: «бе бо дерз и храбор» (Ипат. 497)